

На вопросы главного редактора журнала «Закон» Александра Верещагина отвечает **заместитель председателя Синодального миссионерского отдела, член Межсоборного Присутствия Русской Православной Церкви, заместитель директора Высшей школы юриспруденции и администрирования НИУ ВШЭ игумен Серапион (Август Евгеньевич Митько)**

ОТРАЗИТЬ РЕАЛЬНЫЙ СТАТУС ОСНОВНЫХ КОНФЕССИЙ В ПРАВЕ ОЧЕНЬ СЛОЖНО

Родился 13 сентября 1971 г. в Туле. В 1993 г. с отличием окончил исторический факультет ТГПУ имени Льва Толстого и остался в нем на кафедре философии. Совмещая работу в университете, в 1995–1998 гг. обучался в аспирантуре по специальности «этика». В декабре 1998 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности «этика» в Институте философии РАН. В 2002 г. пострижен в монашество и рукоположен в священник сан. С 2003 по 2011 г. — руководитель миссионерского отдела Ярославской епархии. С 2011 по 2012 г. — настоятель собора Рождества Богородицы г. Баку. С 2009 г. по наст. вр. — член Межсоборного Присутствия Русской Православной Церкви. С 2012 по 2014 г. — проректор по научной работе Белгородской духовной семинарии (с миссионерской направленностью).

12 марта 2013 г. назначен заместителем председателя Синодального миссионерского отдела Русской Православной Церкви.

С 2016 г. — заместитель руководителя экспертной группы по совершенствованию законодательства в сфере свободы совести и религиозных объединений экспертного совета Комитета Государственной думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений.

25 декабря 2019 г. защитил диссертацию на тему «Православная миссиология в системе теологического знания» на соискание ученой степени доктора теологии.

С 2020 г. — профессор, заместитель директора Высшей школы юриспруденции и администрирования НИУ ВШЭ.

В 2021 г. с отличием окончил сетевую магистерскую программу НИУ ВШЭ — ОЦАД «Церковь, общество, государство. Правовое регулирование деятельности религиозных объединений — Каноническое право».

— Какие ограничения предполагает статус священника Русской Православной Церкви?

— Для лучшего понимания статуса священнослужителя нужно для начала уяснить его исторические корни. С появлением христианства пришло понимание статуса тех, кто посвящает себя религиозному служению. Исторически оно сложилось в древних сообществах в связи с тем, что это служение предполагало определенную отрешенность от мира. Так как занятие мирской деятельностью — земледелием, скотоводством, ремеслами — полностью захватывало человека и поскольку люди работали на земле и с землей, они были физически нечисты — у них были грязные руки. Поэтому в Ветхом Завете введение института священства было сопряжено с необходимостью создать такое сословие, которое могло бы посвящать себя полностью служению и сохранять необходимую чистоту.

Христианское священство, хотя и было совершенно иным, нежели ветхозаветное, тем не менее может рассматриваться именно в этом ключе — как сообщество, которое полностью посвящает себя служению Богу. В связи с этим и существуют определенные ограничения: нравственные, связанные с образом жизни. Они нашли отражение в различных нормативных текстах: в первую очередь в Новом Завете, где формулируются основные требования к священнослужителям, которые сохраняют свою значимость и сейчас. В принципе никакое церковное право не может изменить то, что содержится в божественном откровении. Таковой является норма о том, что священник может быть только однажды женат. Впоследствии эти требования развиваются в каноническом и церковном праве. Так, Межсоборное Присутствие на своем Пленуме, заседание которого состоялось совсем недавно, приняло документ, посвященный светской деятельности священнослужителей. В нем ограничили перечень видов деятельности, которыми может заниматься священник: к таковым отнесли научную, образовательную, врачебную и ряд других. При этом священнослужитель не может быть, например, профессиональным спортсменом, хотя спортом заниматься не воспрещается. Есть и определенные ограничения по занятию бизнесом.

Есть древняя каноническая норма, которая запрещает клирику принимать на себя мирские попечения.

Эту норму часто трактуют расширительно. На самом деле ее первоначальное значение заключалось в том, что клирик не мог принимать должности магистратов, т.е. должности в области государственного или муниципального управления. И это ограничение сохраняется: священнослужители не могут быть ни чиновниками, ни депутатами (хотя существуют прецеденты работы на госслужбе уникальных специалистов). Это связано с тем, что священнослужитель в таком случае может быть вовлечен в конфликт интересов. Как христианин пастырь должен проявлять милосердие, а как судья — судить строго по закону. Поэтому Церковь указывает на те виды работы, которые для священника проблематичны.

— А что касается монахов? В чем суть ограничений, которые распространяются на них?

— Монахи, в том числе имеющие священный сан, имеют другой канонический статус, нежели белое духовенство. В традиционных обществах призвание монаха было невозможно реализовать в миру, потому что жизнь в таком обществе предполагала несение определенных обязанностей, к примеру по ведению хозяйства, которые крайне сложно выполнять одному — требовалось создать семью. Поэтому исторически монахи начинают постепенно уходить из общества и жить по своим, монашеским, уставам. Человек, который решил посвятить себя Богу целиком, приносит обет послушания, нестяжания и целомудрия. И Церковь торжественно принимает эти обеты, подтверждая их.

Принимая монашеские обеты, человек отказывается от исполнения мирских обязанностей. Монашествующие традиционно не служили в армии, не владели и не распоряжались имуществом. Но здесь важно понимать тонкую грань. Речь идет не о том, что владение каким-либо имуществом абсолютно недопустимо, а о том, что в прошлом владеть чем-то и не распоряжаться непосредственно — очень сложно. На земле нужно было работать, дом нужно было содержать, и поэтому, уходя в монахи, человек, как правило, передавал все свое имущество родственникам, иногда — Церкви. Современный канонический и церковный статус монашествующих определен в Положении о монастырях и монашествующих, принятом на Архиерейском Соборе 2017 г. С точки зрения современного российского законодатель-

ства монашествующие сохраняют права и обязанности гражданина, и вопрос о владении имуществом регулируется в каждом конкретном случае, общей практики нет.

— А как сейчас устроены монастыри? Нормой является общежительский монастырь, когда все общее?

— В основном да. Дело в том, что никакая норма никогда не отражала всего многообразия монашеской жизни. Хотя в XX в. произошло упрощение монашеской жизни, поскольку во время гонений православный народ прошел через своего рода бутылочное горлышко. Передача очень многих традиций оказалась просто невозможна. Церковь, по сути, поставили вне закона. Монастыри закрывались, и монашествующие стремились сохранить жилье, чтобы продолжать подвиг в миру.

Что касается современного устройства жизни монастырей, то оно исходит из необходимости реинтеграции церковного и светского права. И здесь есть ряд довольно глубоких проблем. Они связаны в том числе с тем, что современное правосознание несет на себе отпечаток советского прошлого, к примеру советский легизм как особая форма юридического позитивизма, а многие наши ученые-юристы до сих пор следуют марксистской методологии. Для них право — только то, что дается государством. На самом деле право — это живой организм с древними традициями, и чтобы понять, как он функционирует, часто необходимо обратиться к прошлому.

Сегодня за пределами внутренних установленных религиозных организаций деятельность религиозных объединений регулируется Гражданским кодексом в согласовании со специальным законодательством о свободе совести и религиозных объединениях, которые являются особым видом НКО. Проблема в том, что такой способ регуляции не вполне адекватен истории развития этих институтов.

Наше гражданское право исторически наследует римскому частному праву, и поэтому можно предположить, что какие-то генетические особенности римского права могут иметь для нас значение. В римском праве религиозная жизнь, с одной стороны, регули-

ровалась в публично-правовом формате (например, нельзя было продать храм — он принадлежал богам). С другой стороны, римское право на протяжении длительного периода времени не знало понятия корпорации. Существовали унаследованные от архаики жреческие коллегии, но корпоративности как таковой там не было. Поэтому изначально и вплоть до революции регулирование деятельности религиозных организаций лежало именно в публично-правовой плоскости, а Церковь была институтом публичного права. И мы видим, что во многих странах это сохраняется — например, в Германии, Финляндии, Великобритании, Греции и пр.

У нас же после революции сначала религиозные общины были поставлены вне закона, а затем, после принятия российской Конституции, их деятельность стали регулировать частным правом. И здесь мы отошли от римской правовой традиции.

Возникает некая неадекватность: с одной стороны, для государства религиозная организация — это группа лиц, которые собрались и что-то создали, и это естественно для многих возникших недавно религиозных объединений. С другой стороны, традиционные конфессии появились задолго до того, как возникла современная правовая система, и отразить их реальный статус в праве очень сложно. Поэтому очень многие вопросы взаимодействия государства и религии решают вне правового поля — в этической, культурной сфере. Наверное, не найдена еще та правовая модель, которая могла бы адекватно это отразить. Это, к примеру, отражается в понятии собственности.

— Насколько я понимаю, именно эти проблемы лежат в основе современного процесса передачи имущества религиозного назначения.

— Совершенно верно. Понятно, что существуют различные интересы — именно с этим связаны основные конфликты с тем же музейным сообществом. Вместе с тем большое значение здесь имеют сами идеи, и прежде всего то понятие собственности, которое существует в нашем обыденном правосознании. Это очень суженное, редуцированное понятие собственности, за которым стоят два события — национализация всего после Октябрьской

революции и распределение госсобственности в 90-е гг. прошлого века. Фактически в обыденном правосознании собственность ассоциируется с обладанием, которое так или иначе признается со стороны государства. И когда возникает вопрос о передаче Церкви имущества религиозного назначения, оппоненты высказывают аргументы, что Русская Православная Церковь — правопреемница церковной организации, существовавшей в Советском Союзе, и поскольку тогда никакого имущества в ее собственности не было, а все было государственным, то и теперь никаких прав на это имущество не имеет. Эта точка зрения как раз и отражает редукцию понятия собственности.

Нельзя говорить, что в Российской империи Церковь обладала какой-то обособленной собственностью. Но вместе с тем то, что принадлежало Церкви — храмы, монастыри, земли, оставшиеся после секуляризации, — не было просто государственной собственностью. Эта собственность, если угодно, была отягощена определенными обязательствами и являлась целевой.

До революции храмы и монастыри не обязательно могли быть в собственности государства, они могли быть и в частной собственности. Но их нельзя было превратить в склад или амбар, потому что такие объекты регулировались так называемым патронатным правом, т.е. собственник мог принимать какое-то участие в управлении этой собственностью, но не менять ее целевое назначение. Иначе говоря, нельзя было использовать священные сосуды как посуду.

Исторически Церковь обладала большим количеством собственности, которая время от времени подвергалась секуляризации. Последняя крупная секуляризация произошла при Екатерине II. До этого Церковь содержала себя посредством доходов с этой собственности. Секуляризовав церковные владения, государство приняло на себя обязательства содержать Церковь. Подобная ситуация произошла в свое время и в Греции, где до сих пор Элладская Православная Церковь находится на содержании государства. У нас этого не учитывают. Для обыденного правосознания базовое определение собственности — это собственность народная, государственная.

И за этим стоит определенная мировоззренческая позиция.

Право же не является абсолютной автономной областью знаний. Связь права и религии была очевидна на протяжении большей части человеческой истории. Римское право не что иное как право римских граждан, верующих в римских богов. Для всех остальных действовало право peregrinorum, или право народов. Эта связь определяла религиозное отношение к тем или иным правовым институтам. К примеру, христиане и иудеи верят в бессмертие души, а атеисты не верят. И у юристов — атеистов и верующих в связи с этим может быть разное отношение к одним и тем же правовым вопросам. Например, если человек умирает и от него ничего не остается, то считается, что в нем умирает и его воля. А если исходить из того, что душа бессмертна, эта воля прежде жившего на Земле человека сохраняет свое значение для права. И воля тех, кто передал часть своей собственности в монастыри, чтобы монахи могли освободиться от земных дел и молиться за спасение души жертвователя, была поправа. Как и воля тех, кто оставлял Церкви имущество по завещанию, рассчитывая на его использование в благочестивых целях.

— А Екатерина II не поправа ли аналогичным образом эту волю, когда провела секуляризацию?

— Любая секуляризация вызывала подобного рода оценки. Митрополит Ростовский и Ярославский Арсений (Мацеевич), один из церковных иерархов, настолько активно выступал против секуляризации, что в итоге его заточили, и впоследствии он был прославлен в лике святых. Но екатерининская секуляризация, как и все прочие, хотя и попирала эти принципы, но не отрицала их. Екатерина ведь не отменила право собственности вообще.

Другой пример: Церковь выступает против аборт. Это связано с ее нравственным учением и опирается на Священное Писание. Но если открыть труды до-революционных правоведов, например Покровского, то там этот запрет в первую очередь аргументирован не нравственными установками, а юридическими — тем самым нарушаются права отца на наследника. Сейчас женщина, состоящая в браке, может сделать аборт без согласия мужа. Здесь мы видим ту же

ситуацию: некая нематериальная проекция воли не учитывается.

Что касается брака, то этот институт также претерпел существенные преобразования. Имея одно и то же обозначение в современном праве и дореволюционном, в каноническом и римском праве, он тем не менее во всех этих случаях имеет абсолютно разное содержание, и в этом отношении церковный брак накладывает куда большие обязательства, нежели государственный.

Эти примеры показывают, что в силу различных исторических, теоретических и лингвистических факторов мы имеем высокую степень юридической неопределенности целого ряда понятий, которыми оперируют законодатель и правоприменитель, в том числе и понятий собственности, брака, религии.

Последнее из упомянутого особенно ярко проявляется в термине «имущество религиозного назначения», который сейчас играет ключевую роль при передаче собственности Церкви. Что мы понимаем под религиозным назначением? Это то представление о религии, которое мы получаем в школе, в обществе и т.д. — и это представление во многом обусловлено советским взглядом на религию. Конституция СССР, раскрывая понятие религии, говорит об отправлении культа, исповедании своей веры, т.е. понятие религии, по сути, сводилось к тому, что человек верит во что-то, никому при этом не мешая, и отправляет религиозный культ. И современное законодательство отчасти восприняло такое понимание. Взять хотя бы термины, которыми оно оперирует: «религиозные обряды и церемонии» — понятия, перешедшие из советского законодательства, при этом они не несут никакого реального различия. Это очень узкое понимание религии с трудом готово принять то, что религиозные объединения свою религию распространяют. И хотя в Законе РСФСР 1990 г. миссионерская деятельность включалась в определение религиозного объединения, но уже в Законе 1997 г. она отсутствует. В результате сфера распространения веры оказывается неурегулированной вплоть до принятия «поправок Яровой».

То же самое с имуществом религиозного назначения. Здесь сразу возникает вопрос, почему ряд объектов

явно религиозного назначения не передают в силу их особой культурной ценности?

— Исаакиевский собор, например?

— Я приведу еще более релевантный пример. Когда в Ярославле обнаружили частицу Ризы Господней, то в конце концов музей согласился ее передать. Но небольшой ковчег, в котором она содержалась, так и не передали в силу его особой ценности. В результате Ярославская епархия сделала себе точную копию этого ковчега. Получается, что сама по себе святыня — имущество религиозного назначения, а ковчег, предназначенный для ее хранения, таковым не является. Либо у нас культурная ценность предмета в идеологической иерархии выше, чем его религиозная ценность.

С другой стороны, имущество религиозного назначения тоже имеет свою иерархию. Это проявилось, например, в ситуации, когда советское государство потребовало передать церковные ценности для помощи голодающим. Сначала Церковь готова была отдать все, кроме богослужебных сосудов, к которым могут прикасаться только священники. Потом Церковь была готова отдать все для голодающих, только бы сама Церковь осуществляла передачу. Но государство в итоге не устроило и это.

И вот здесь возникают два вопроса: первый касается границ передачи имущества, а второй — самого понятия «религиозное назначение». Например, если речь заходит об имуществе, связанном с осуществлением монашеского делания. Конечно, первое дело монаха — молиться, а не заниматься хозяйством. Но чтобы молиться, необходимо обеспечивать жизнедеятельность монастыря, поэтому монастыри были обособленными субъектами хозяйственной деятельности. И эта проблема решалась по-разному. В более древнее время монастырям принадлежала земля, на которой работали крестьяне. С развитием товарно-денежных отношений у монастырей появляется еще и какая-то финансовая деятельность. Сейчас, чтобы обеспечивать деятельность некоторых монастырей, нужны огромные финансовые затраты, которых не было еще в XIX в.: оплата коммунальных расходов, электричества, иные расходы по содержанию монастырских строений, которые являются памятниками архитектуры. Поэтому монастыри вынуждены разви-

вать паломническую деятельность, производство и продажу продуктов или изделий. И в этом смысле все имущество монастыря как единого комплекса должно восприниматься как имущество, предназначенное для монашеского делания. Это, кстати, находило свое отражение в законе. В самом начале говорилось о том, что передаче подлежит не только имущество религиозного назначения, но и то, что образует вместе с ним единый имущественный комплекс. То есть не только храм, например, но и сторожка при храме. Но сейчас возникает ряд проблем в определении того, что является таким имуществом, и эти проблемы сложно решить в общем формате. Скорее, нужно разработать некие принципы, согласно которым тот или иной объект будет оцениваться в том или ином качестве.

— Если говорить о принципах, Вы поддерживаете саму идею, что нужно передавать только имущество религиозного назначения, что бы это ни означало? То есть не следует применять реституцию и тому подобные правовые конструкции, возвращая церкви все, что у нее было изъято?

— В идеале я говорил бы о возвращении всего, что когда-то было пожертвовано Церкви. Конечно, говоря об имуществе религиозного назначения, мы должны иметь в виду его некие признаки. К примеру, евхаристический потир — это имущество религиозного назначения, а просто старинный кубок — нет, хотя они очень похожи. Но для меня назначение определяется тем, для чего это имущество было предназначено изначально, т.е. при проявлении изначальной воли жертвователя.

Если же говорить не об идеальном, а о существе, то следует признать, что реституция в чистом виде здесь вряд ли возможна. Это не только технически невыполнимо, но еще и нравственно небезупречно. В тех странах, где реституция осуществлялась (к примеру, в прибалтийских государствах), это привело к тому, что многие добросовестные собственники оказались лишенными своей недвижимостью. Соответственно, если мы понимаем под реституцией полное возвращение собственности — то да, это невозможно. Но слово «реституция» имеет еще один смысл в римском праве — восстановление в правах, необязательно в имущественных. Поэтому, когда мы говорим о реституции, надо говорить о реституции духа.

— В современном понимании это уже скорее реабилитация. Причем с нравственной точки зрения такая реституция не предполагает, что Церковь должна вернуть даже то, что она считает безнравственным возвращать. Если, например, Церковь считает безнравственным возвращение доходного дома Страстного монастыря, то она может отказаться от такого возврата. Но она этого не делает, считая этот возврат правомерным. Недавно даже было разъяснение Правового управления Московской Патриархии по этому поводу¹. В данном кейсе Церкви была возвращена только одна часть дома, поскольку вторая была уже в частной собственности. Получается, такая реституция ограничивается наличием частной собственности, возникшей добросовестно. Вернули только то, что было в публичной собственности, при этом не в порядке реституции, а как передачу имущества религиозного назначения. При этом самого Страстного монастыря уже не существует, его снесли. Получается, что переданная Церкви часть доходного дома уже не имеет религиозного назначения, потому что нет монастыря, для содержания которого и строился этот доходный дом?

— Именно поэтому я и сказал ранее, что здесь трудно сформировать какую-то общую норму. Я не очень хорошо знаком с ситуацией по Страстному монастырю, поэтому предлагаю посмотреть на нее с другой стороны. Часто передача имущества рассматривается как некая преференция для Церкви, как некий подарок. Очень часто передача имущества подарком вовсе не является, потому что многое из того, что передают Церкви, подлежит восстановлению, и стоимость такого восстановления и поддержания имущества в хорошем состоянии порой намного дороже, чем цена передаваемого имущества. На протяжении всех 1990-х и 2000-х гг. возвращение храмов и их реставрация были основной проблемой РПЦ, на решение которой были направлены все церковные ресурсы. К тому же нужно понимать, что имущество религиозного назначения не может быть использовано с целью получения прибыли.

¹ См.: Комментарий Правового управления Московской Патриархии в связи с судебным разбирательством о возвращении Церкви помещений, которые занимает редакция журнала «Новый мир». URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5588851.html> (дата обращения: 28.06.2021).

Каким бы ни был прекрасным храм, его нельзя продать, сдать в аренду и т.п. Именно поэтому религиозные организации стремятся получить также то имущество, за счет которого можно будет содержать имущество религиозного назначения.

И я смотрю на кейс с доходным домом Страстного монастыря исключительно с точки зрения компенсации тех затрат, которые несет Церковь в связи с восстановлением иных переданных ей ценностей.

Многие проблемы возникают с музеями именно из-за непонимания смысла понятия религиозного назначения. С одной стороны, православные христиане порой не могут без скорби смотреть на то, как подчас кощунственно музеи обращаются с церковным имуществом. Одно дело музейный храм, совсем другое, когда в алтаре на месте престола стоит стол директора музея (был такой случай). С другой стороны, представители музеев тоже видели, как священнослужители, которые не имели достаточной квалификации, использовали переданные им святыни ненадлежащим образом, что приводило, например, к порче икон и фресок.

— **Есть еще одна сходная проблема, возможно, освещающая непонимание церковного уклада законодателем. Речь идет об осуществлении храмами предпринимательской деятельности. Девять лет назад мы наблюдали за делом, в котором общество защиты прав потребителей оспаривало порядок ведения торговых операций в храме Христа Спасителя. Суд тогда пришел к выводу, что никакой торговли там нет, а имеет место, цитирую, «безвозмездное взаимное одаривание по рекомендованной цене»². Нужны ли нам специальные нормы, которые могли бы прямо, открыто, нелицемерно этот вопрос регулировать? Мы же понимаем, что никакого взаимного одаривания там нет и вам просто не отдадут товар без получения**

определенного денежного эквивалента. Как Вы смотрите на эту ситуацию?

— Данная область — наиболее проблемная, потому что те специфические отношения, которые существуют в Церкви, в других религиозных общинах не вписываются в ту картину мира, которую регулирует Гражданский или Трудовой кодекс. Приведу несколько примеров.

Согласно нашим установлениям священнослужители не вступают в трудовые отношения, потому что служение священника не вписывается в трудовые отношения, которые всегда возмездны. Нельзя сказать, что священник — наемник.

То же самое в ситуации с торговлей. Как это происходило раньше? В прежние времена прихожане приносили в храм все необходимое для службы: хлеб и вино для Евхаристии, елей для лампад, свечи и т.п. Со временем все это легло на плечи храма, а люди стали жертвовать деньги. Во многих храмах до сих пор свечи не продаются — люди делают пожертвования, а могут их не делать и просто взять свечи. Раньше, кстати, свечи использовались и для освещения храма. Сейчас это утилитарное значение свечей уже утрачено, осталось только сакральное значение. А для освещения используется электричество, за которое нужно платить.

Я не хочу сказать, что нынешняя система пожертвований идеальна. Надо понимать: есть определенные причины, и не только экономические, того, что для Церкви назвать происходящее у свечного ящика куплей-продажей неправильно.

Церковь избегает темы торговли не столько потому, что это связано с какими-то налогами, а потому, что торговля в храме противоречит церковным установлениям.

Мы ведь не торгуем товарами нерелигиозного назначения. Вместе с тем существуют и церковные магазины при многих монастырях, которые ведут вполне стандартную коммерческую деятельность и платят налоги в установленном порядке. Здесь очень важна добросовестность в понимании граней такой торговой деятельности. Еще раз подчеркну: проблема

² Решение Хамовнического районного суда г. Москвы от 10.07.2012 по делу № 2-1933/12 по иску Межрегиональной общественной организации Общество защиты прав потребителей «Общественный контроль в действии» в защиту прав неопределенного круга лиц к Религиозной организации «Подворье Патриарха Московского и всея Руси Кафедральный соборный Храм Христа Спасителя Русской православной церкви (Московский Патриархат)». — *Прим. ред.*

не в самих действиях Церкви, хотя иногда мы сталкиваемся со случаями злоупотреблений, но в сознании людей, которые ко всему привыкли относиться, как к купле-продаже. Допустим, приходят люди в храм и спрашивают, как заказать услугу отпевания.

То, что происходит в религиозных объединениях, не вполне вписывается в модель мира, регулируемую Гражданским кодексом, потому что она изначально создавалась без учета особенностей, о которых я говорил.

Я не призываю имплементировать эти особенности в ГК, просто государство должно уважать их, и пока оно относится к этому вопросу с пониманием.

Внутренние установления могут быть различными в зависимости от религии. И здесь возникает проблема того, что принцип равенства религиозных объединений часто понимают как фактическое равенство, из которого следует необходимость принятия общих норм для всех религиозных объединений, а они очень различны. В результате одна и та же норма, применяемая к различным религиозным объединениям, ставит их в неравное положение. Здесь надо искать пути более точечной регуляции, исходить из религиозной специфики. К примеру, существующая гражданско-правовая форма деятельности религиозных организаций для одних является более органичной, в то время как для других — совсем неорганичной. Так, для баптистов и пятидесятников существующая гражданско-правовая форма деятельности религиозных объединений соответствует их экклезиологии.

Что же касается исторических церквей — православной, католической или армяно-григорианской — это институты, которые существовали задолго до действующих законов, и нынешнее правовое регулирование для них — искусственная среда. По этой причине и создаются какие-то иные конструкции. Мне кажется, здесь нам ближе опыт Германии, нежели Греции. В последней как раз конвергированы нормы светского и церковного права, в результате чего происходит еще больше правовых коллизий. К примеру, если кто-то приедет в Грецию без документального подтверждения факта крещения, ему нужно будет креститься повторно, что с точки зрения церковных канонов большой грех. Соответственно, дореволюционный опыт или опыт стран, где действует государственная

религия, для нас уже в прошлом, и нет никакого смысла к нему полностью возвращаться.

Русская Православная Церковь, собственно, никогда не просила об этом. Православных гораздо больше устраивает нынешнее положение, при котором существующие пробелы и коллизии не носят такой уж масштабный и бескомпромиссный характер.

— Давайте поговорим о еще одной возможной точке столкновения канонов Церкви и законодательных установлений. Как известно, в Уголовно-процессуальном кодексе получил закрепление такой принцип церковного права, как тайна исповеди. Вместе с тем с 2016 г. в Уголовном кодексе действует такой состав преступления, как недоносительство³. Получается, что закрепленный в УПК свидетельский иммунитет в части тайны исповеди не защищает священника от ответственности за недоносительство. И если человек покался в намерении совершить тяжкое преступление наподобие теракта, то священник обязан донести на него под угрозой уголовной ответственности. Является ли это проблемой?

— Здесь, действительно, на мой взгляд, есть определенная коллизия. Ведь даже если человек не раскаивается в совершении преступлений и не может получить отпущение грехов, но тайна исповеди все равно сохраняется.

Дело в том, что тайна исповеди является безусловной для всех исторических церквей, которые признают покаяние таинством. Для тех, кто не признает (например, протестанты), действует формат конфиденциальности. И вот в некоторых странах, например во Франции, за нарушение тайны исповеди следует уголовное наказание как за разглашение профессиональной тайны. А с точки зрения католического права сознательное нарушение тайны исповеди — один из нескольких грехов, которые может отпустить только папа римский.

В Православной Церкви нарушение тайны исповеди тоже один из самых тяжких грехов священника. Еще с дореволюционных времен было запрещено

³ Статья 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении».

не только прямое, но и косвенное разглашение. В разработанном недавно документе о дисциплинарных наказаниях для клириков говорится о том, что преднамеренное нарушение тайны исповеди наказывается запретом на служение на несколько лет, а при повторном — на еще больший срок.

|| В целом можно сказать, что священник скорее умрет, но не раскроет тайну исповеди.

К тому же нужно иметь в виду, что священник тайну исповеди, строго говоря, не принимает, он не более чем свидетель. Человек исповедует перед Богом. Это не его тайна, и он не может ею делиться ни в каком случае.

— Еще один важный вопрос соотношения права и религии встает, когда мы обращаемся к институту брака, о котором Вы уже отчасти говорили. Правильно ли я понимаю, что сейчас церковный брак следует за светским, т.е. венчание происходит строго после регистрации брака в ЗАГСе?

— Строгих правил по этому поводу нет, но практика складывается такая. Дело в том, что для вступления в церковный брак необходимо определенное твердое намерение. Если люди хотят венчаться, но не готовы создать семью по закону, то они в чем-то сомневаются. Логично, что Церковь хочет удостовериться в серьезности этих намерений.

— А что происходит после официального развода? Является ли он основанием для прекращения брака церковного?

— Вопрос непростой. До революции прекратить церковный брак было крайне сложно, поскольку закон тогда не допускал этого в общем порядке. Сейчас нередки ситуации, когда люди разводятся, но при этом канонически продолжают оставаться в церковном браке. Каждый случай индивидуален. Но в целом считается, что сторона, которая стала инициатором развода, отвечает за последствия развода и в церковном отношении.

Если намерение вступить в брак было не очень твердым, что и послужило причиной расставания, с точки зрения церковного права это нельзя считать уважительной причиной для развода. В любом слу-

чае каждый раз необходимо подходить индивидуально и стараться по возможности церковный брак сохранить.

— А почему церковный брак государство не признает как эквивалент брака светского?

— Долгое время существовал только религиозный брак (у нас — до революции), но затем появились разные модели его трансформации. В нашей ситуации возврат к нему вряд ли возможен.

Если мы признаем факт вступления в брак на основании лишь свидетельства о венчании — это, конечно, отрадно, но к каким приведет последствиям? Возникают проблемы в реализации конституционной свободы совести и вероисповедания, ведь церковный брак предполагает определенные ограничения, которые закреплены в каноническом праве. Государство не может признавать эти ограничения, поскольку может оказаться, что другой человек изменит религию. И в этом случае получится, что его состояние в браке будет препятствовать его свободе вероисповедания.

Эта проблема ярко проявила себя в Католической церкви на Западе. Там брак нерасторжим, хотя его могут признать недействительным по ряду оснований. Но это довольно сложно реализуемый и длительный процесс, который порождает ряд проблем на практике. К примеру, известен случай, когда состоящему в церковном браке, но официально разведенному премьер-министру Италии Сильвио Берлускони отказывали становиться крестным отцом, поскольку, по мнению церкви, он жил во грехе. На этом же основании могут отказать и в причастии. Все это показывает, насколько проблематично имплементировать нормы церковного права в право светское. Это сложно еще и потому, что у нас пока недостаточно профессиональных юристов-канонистов и нет юридических ресурсов для разрешения спорных ситуаций, ведения реестра всех браков, крещений, разводов и т.д.

К тому же в каждой религии есть свои брачные нормы. Ислам, например, допускает многоженство. Если мы допустим имплементацию церковных норм в светское право, неизбежно встанет вопрос о том, чтобы отразить в законодательстве и какие-то нормы исламского права. Все-таки, несмотря на то что мы являемся

светским государством, наша правовая традиция основана на христианских ценностях. Это проявляется во многом: к примеру, мы почитаем воскресенье как выходной, у нас брак — союз одного мужчины и одной женщины и т.д. Поэтому у православных больших проблем с такой имплементацией не возникнет, поскольку канонические нормы, не основанные на Священном Писании, подвижны и могут быть изменены, а само законодательство основано на византийской традиции, в которой православные ценности были учтены. А вот с другими религиями могут возникнуть проблемы.

— В заключение не можем не задать Вам вопрос об одной проблемной норме — ответственности за религиозный экстремизм?

— Существуют, действительно, определенные экстремистские действия, которые имеют религиозное основание. Но нужно понимать, что бывают разные ситуации. К примеру, экстремизм может формироваться на почве религиозного конфликта, как было в Северной Ирландии, Боснии и Герцеговине. Но это не означает экстремизма в религии, речь идет об экстремистском поведении конкретных личностей на религиозной почве.

Вообще религиозный экстремизм — это какой-то оксюморон. Человек религиозный экстремистом не является, скорее, экстремизм возникает на почве религиозного невежества, когда религиозная традиция искажается в сознании человека.

Может также быть ситуация, когда люди хорошо знают свою религию, но сознательно искажают религиозные представления, манипулируя сознанием своих последователей. В любом случае нет прямой

причинно-следственной связи между экстремизмом и религией.

Другое дело, когда человек делает экстремистские выводы из традиционного религиозного учения. Яркий пример тому схиигумен Сергей Романов, который с полной уверенностью делал экстремистские выводы из своего понимания православия: там и антисемитизм, и ковид-диссидентство и пр. Это связано с религиозной маргинальностью, и не обязательно какие-то девиантные формы религиозности порождают экстремизм. К примеру, Григорий Распутин, несомненно, был необычным православным, но при всем при этом он ни к какому экстремизму не призывал. А когда в рамках религиозного возрождения 90-х гг. прошлого века различные религиозные традиции были восприняты людьми, далекими от религии, то в их сознании формировались экстремистские идеи.

На самом деле нельзя судить за то, что у человека есть определенные религиозные взгляды. Это понимали даже в Средневековье, когда в Англии эпохи реформации при запрете католических богослужений некоторые государственные должности вполне легально занимали католики, которые не скрывали своей религиозной принадлежности. Никто не мог запретить людям исповедовать католичество в душе. Я думаю, на уровне регионов не всегда понимают, чем отличается просто молитва от религиозной деятельности. Эта проблема коренится в том, что в нашем законодательстве о религии есть тенденция, не соответствующая Конституции, в которой свобода совести и вероисповедания является одной из основополагающих свобод. К сожалению, у нас зачастую свободу вероисповедания подменяют совместной религиозной деятельностью.®